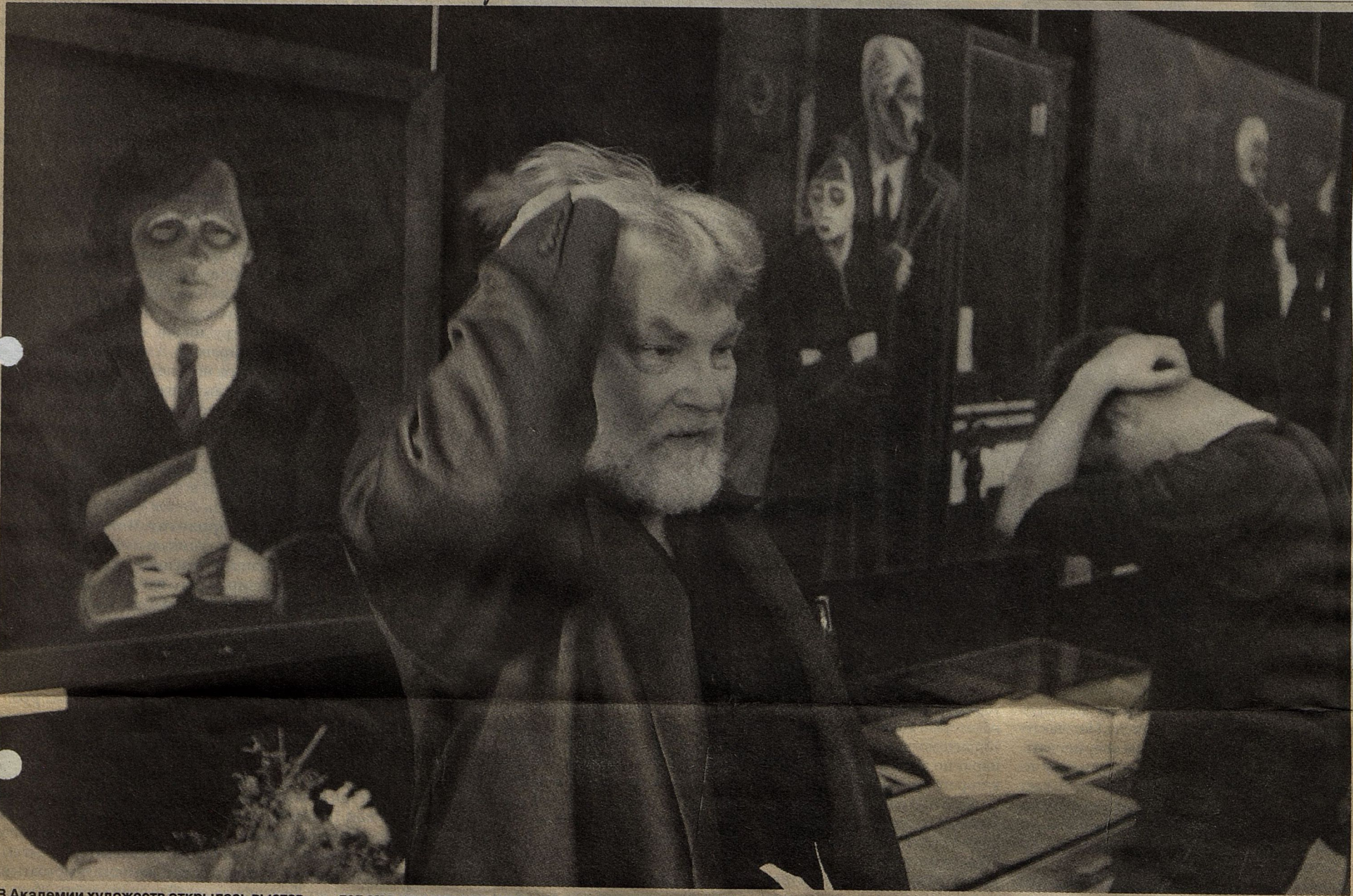

Поминки в суровом стиле

«Сталинские репрессии» Игоря Обросова в Академии художеств

выставка живопись

Коммерсантъ. - 2003. - 14 авг. - с. 18.

В Академии художеств открылась выставка Игоря Обросова «Сталинские репрессии». Заслуженный художник, действительный член Академии художеств попытался выразить трагедию сталинизма через историю своей семьи. ГРИГОРИЙ РЕВЗИН ушел с выставки в крайне расстроенных чувствах.

Отца Игоря Обросова, врача, члена партии с 1904 года, арестовали в 1937 году и тут же расстреляли. На выставке есть его портрет, портрет матери художника, держащей в руках приговор «десять лет без права переписки», триптих «Ожидание», где сначала мать с отцом ждут ареста, потом отца увозят, потом мать и дети смотрят из окна в подворотню. Есть несколько лагерных сцен — «Творцы ледяных скульптур», где охранники в лагере поливают на морозе голых заключенных водой из шланга, «Бурлаки ГУЛАГа», где живые эскизы тянут по темному полю телегу с мертвыми, есть «Зомби ГУЛАГа», где несколько солдат насиляют заключенную. Еще есть довольно абстрактный проект монумента репрессированным на Лубянской площади; автор скорее стремился выразить здесь обуревавшие его горькие и яркие чувства, чем проектировал что-либо реально могущее быть построенным.

Критиковать такую живопись — мука мученическая. В ней так много боли, так много личного чувства, что любые слова об искусстве совершенно неуместны. Как вообще крайне неуместны любые слова. На вернисаже читали разнообразные стихи (крайне неудачно); художника увенчали венком из ковыля и васильков от русских полей, и выгля-

дел он в нем ужасно; знакомые искусствоведы говорили о том, что художник нашел замечательный ракурс темы, и это было как-то диковато, будто он Шишкин лес живописует, и что каждая семья в России пережила то же самое, что выглядело не столько сочувствием, сколько желанием примазаться. По окончании стихов и речей Игорь Обросов предложил всем пройти в соседний зал на фуршет, предупредив, однако, что это будет не фуршет, а как бы поминки по жертвам сталинизма. Давно не удавалось испытать столь безнадежного чувства неловкости.

Даже в какой-то момент стало интересно, отчего же так мучительно все это неудачно — и вернисаж, и речи, и стихи, и живопись.

Сначала думаешь, что, может быть, дело в ней, в живописи. Игорь Обросов — мастер «сурового стиля» 60-х годов. Фигуры и лица его отца, матери, советских палачей он рисует в обобщенно-романтической манере, в какой принято было изображать геологов и плотогонов, позднее — бамовцев и счастливую советскую семью в загсах. От этих фигур так веет оттепельной романтикой, такая в них узнаваемо-каэспэшная интонация, такое «а я еду, а я еду за туманом», что в сочетании с сюжетом это производит просто шоковое впечатление.

Но потом понимаешь, что дело не в живописи. В конце концов, что же художнику менять в 70 лет свой стиль, если он решил обратиться к теме судьбы своего отца? Это бессмысленно, потому что тема как раз и требует от него вытащить из себя самое главное, собрать опыт своей жизни, и тут вряд ли уместно забывать, кем он был. Да и дело даже не в

этом. На самом деле, двигаясь мимо этих полотен, я вдруг понял, что не представляю себе живописное изображение сталинизма, которое бы не вызвало у меня таких же чувств.

На входе на выставку Игорь Обросов поставил портрет Александра Солженицына, и очень правильно. Солженицынская концепция советской власти и является для него главной, а концепция эта предельно проста. Была прекрасная и чудесная страна, появились упыри и оборотни и превратили ее в ад. Я даже не хочу сказать, что это неправильно. Просто когда эти упыри и оборотни еще у власти, она обладает чудовищной силой разоблачения, и в конце концов она их и добила, потому что бывают преступления, которые нельзя искупить никакими хорошими намерениями. Но совершенно непонятно, зачем она, эта концепция, когда их уже нет.

В конце концов все, что рисует Игорь Обросов, сводится к этому обличению: подонки; смотрите, что они сделали с прекрасными людьми, с моим отцом и матерью и с тысячами таких же. Я совершенно согласен с ним в том, что они подонки. Я считаю, что любой человек, входящий в партию коммунистов или им сочувствующий, либо подонки, солидаризирующийся с палачами, либо недоумок, не дающий себе труда додумать, в какой партии он состоит и кому сочувствует. Но ведь не для идеологической же борьбы, не для коммунистов же все это рисуется! Ведь это все-таки попытка понять, что случилось, и вот тут... В конечном счете то, что рисует Обросов, — это цикл страстей. Те же распятие, бичевание, колесование, зажаривание на сковородах, только вместо римских хито-

Экспозиция Игоря Обросова, посвященная сталинским репрессиям, вызывает острую жалость к художнику. ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

нов — лица устремленных в будущее палачей. Различие, однако же, в том, что христианская традиция знает, зачем она это живописует: потому что там «смертью смерть поправ». Мы знаем, зачем и за что терпели муки святые, и в муках их видим их победу за нас и радость преодоления муки и смерти. Но зачем было страстотерпие жертв сталинизма? Нет на это ответа. Хотя что-нибудь, пусть самое простое, пусть только «не убий, не лжесвидетельствуй, не сотвори себе кумира». Нет, просто пришли упыри, как чума приходит, и всех уничтожили, и больше их нет.

Мне кажется, что главные проблемы русской истории XX века — война, репрессии — остаются не осмысленными, а как бы отодвинутыми в сторону. А когда их придвигают, то они вызывают какую-то неловкость пустоты, когда вроде бы должен что-то понимать, но почему-то не понимаешь. В конце концов единственное, что может сказать художник Обросов, это: вот папу убили, моего отца, подонки, подонки, подонки. То же самое, что он мог сказать, когда ему было семь лет. Его очень жалко, и палачи его отца действительно заслуживают проклятия. Но ему уже семьдесят, и этих палачей уже нет, и укорять больше некого. А ни для чего, кроме укора — никому и в никуда, — его работа не годится. Это не так страшно, как то, что случилось с его отцом и со всеми остальными, но и веселого в этом мало. И это точно так же случилось не с ним одним, а со всеми остальными тоже.

Обросов Игорь

14.08.03